

МИХАИЛ СОПИН

ЧИТАЯ СОПИНА

Родину любить можно по-разному. Например, как Тютчев: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить». Или как Лермонтов: «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой». Такая безрассудная и беззаботная любовь схожа с любовью ребенка к матери – самой лучшей, какой бы на деле она ни была. Подобная любовь слепа. И, если отвлечься от эмоций, непродуктивна. Она не делает лучше ни дитя, ни мать, в ней нет стремления к идеалу, ибо он уже достигнут, а потому она обман и не более. Результат ее очевиден: «Я узкоглаз затем, что я привык смотреть в обманчивые дали» (Бунин). Но может быть и другая любовь – не пренебрегающая рассудочностью, любовь, позволившая Некрасову громко, во весь голос сказать:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная
Матушка-Русь!

Это любовь, констатирующая несовершенство Родины. Она вскрывает суть несовершенства, его истоки и формы проявления. Она ставит диагноз, без которого невозможно излечение. А диагноз совсем не прост.

Счастье и благоденствие человека на Руси всегда было лишь мечтой. На протяжении всей истории России государство у нас – аппарат насилия над человеком, давления на него. Так было во времена царей и опричников, во времена Ленина-Сталина и НКВД, во многом и ныне, во времена диктатуры коррумпции и расцвета бюрократии. Сегодня, как и прежде, наше государство не выполняет главного своего предназначения – не является защитником человека. Власть и люди у нас сами по себе. Отсюда деградация промышленности и двойные стандарты в политике, обнищание пенсионеров и дикие реформы в образовании... Но несовершенство Родины не только в этом. Оно и в нашем народе. И здесь определить его можно одним словом – жлобство. Отсюда дедовщина в армии и ксенофобия, безынициативность и безответственность, пьянство и лень. Но народ, в котором с каждым годом все больше и больше брошенных детей, который, плюя на все и на всех, на детских площадках выгуливает собак и писает в

подъездах, не имеет будущего. Это страшно, но это уже пора понимать. И обо всем этом думаешь, читая стихи Михаила Николаевича Сопина.

В стихах М.Сопина много страшно. Все мы судим о жизни по своему опыту, по людям, окружающим нас. И Сопин хлебнул полной мерой опыта общения с нашим государством и нашим жлобством. Не дай бог никому такого. Родился будущий поэт в Курской области в 1931 году. Когда ему было шесть лет, в 1937 году репрессировали отца. Десятилетним, в 1941 году, он оказался в оккупации. Помогал нашим солдатам выходить из окружения, был связным у партизан. Когда Курскую область от фашистов освободили, прибил к наступающим красноармейцам и стал «пасынком полка». После войны учился в ремесленном, работал на заводе, в колхозе, служил в армии. В 1949 году за незаконное хранение оружия был арестован и осужден на два года. Строил Волго-Донской канал. В 1950 году амнистирован, но в 1955 году был арестован вновь. Пятнадцать лет провел в лагерях предприятия «Спецлес» в Пермской области. Несмотря на тяжелейшие условия, заочно закончил среднюю школу и начал серьезно заниматься литературой. После освобождения в 1970 году поселился в Перми. Работал сантехником, писал стихи, женился, стал отцом двух сыновей. В 1983 году переехал в Вологду. В 1985 году опубликовал первую книгу, затем еще две и еще... Но все это время тяжело болел. Сказались лагерь, гибель старшего сына в армии в 1990 году. В 2004 году Михаил Николаевич Сопин умер от сердечной недостаточности. Стихи же его живут. Они жестки, как его жизнь. В них почти нет лирики. Но, читая их, вспоминаешь некрасовские «Поэт и гражданин»:

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Сопин и не спал. Он не воспевал небеса и моря. Он пробуждал лирой разум и любовь к Родине через любовь к человеку. И через отрицание всего того, что несовместимо с человеческим достоинством. И в этом залог памяти о нем, залог непреходящей значимости его стихов.

Я.Либерман.

СТОЛИЦА

Закрывай,
Столица,
Врата.
Колоколь, звонарь,
В набат:
Убивают братец брата
Смертным боем,
Братца брат.
Ржавая память!
Мысли ржавы!
Девяносто третий год!
По державе
Две державы –
Красный сход.
И крестный ход.
Триста лет не третьи сутки
Дикий лай, стервотный вой –
Скопари и проститутки
Над Россией становой.
Орды. Морды –
Кто? Откуда?
Вурдалаки во главе.
Тянут лапы зла и блуда
К твоей светлой голове.

РУКИ

Нечем думать.
И веровать нечем.
Пролетарии,
Проданный класс,
Ветр столетья,
Прикрыв наши плечи,
Индевет от вымерзших нас.
К небу.
В землю
Землистые лица...
Церковь в куреве снежном –
Как челн.
Вздеты руки –
Крушить ли, молиться?
Но кого?
Но кому?
Но о чем?..

***

Не спеша, под хмельком,
Вспоминая о чем-то хорошем,
Я иду меж ларьков,
Возвращаюсь в родимый приют.
Господа торжашаи,
Правоверные ленинцы в прошлом,
Комсомольскую юность,
Идейную честь продают.
Ну и ну, старина,
Неужели мы так опьянели, –
Утешаю себя:
Мы ведь с чертом еще не на «ты».
Столько лиц, столько глаз!
Серый дождь моросит по панели.
Разноцветные слезы,
Линяя, роняют цветы.
«Гаспада ахвицеры!» –
Где-то крутят.
Гундосо, но гордо
Ностальгирует быдло,
Насилуя лоно свое.
Видно, предкам твоим
Господа не доквасили морды.
Значит, впрок не пошла
Та наука тебе, голопье.

***

Свободная рутина.
Засушливый потоп.
Нетоплена квартира.
Налоговый гоп-стоп.
Кто грезит о монархе,
Кто жаждет пахана!
Кто в шлюхи,
Кто в монахи –
По швам
Трежит казна.
Россия. Гололедье.
В сознание недрод.
Двадцатого столетья
В глазах неупорот.
А я без мятной весты
За краем
Вижу брод –
Сейчас, на этом месте
Рождается
Народ.

***

Городская больная ветла
Лист роняет.
Сижусь как затворник.
Пять утра.
Появляется дворник.
Философствует мирно метла:
Влево, вправо
Кочует, пылится.
Возникают на улицах лица
Без иллюзий,
Молитв,
Без идей –
Лица новых
Ненужных людей...

***

Беспорочница наша классовая,
Спьяну спутав
Подъем и отбой,
Скоморошествует приплясывая,
Подторговывает собой.
Что ей эти рублевые выжимки?
Мир
Спасает
Ее красота!
Целомудренно крестятся выжиги,
Веря в «рыночного Христа».
Гулевань, держава, до зореньки,
Разгоняй тоску за века:
Кого – в думники,
Кого – в дворники,
Кого – в сироты
Да в зэка.
Мысль туманная.
Память куца.
Взглядов стынувшая слюда –
Продолжается революция,
Наша вечная белиберда.

***

Престижные квартиры, развалюхи
Невольные и вольные рабы,
Апостолы, герои,
Воры, шлюхи –
Все из нее,
Из классовой борьбы.
Моя расплата –
Понял – та борьба
Плодит бедлам,
Разор, разбой, усталость.

Взглянул в себя,
Там больше нет раба.
Но Человека
Тоже не осталось.

***

Ни происков нет,
Ни коварства.
Из нас состоит государство:
Из детства,
Из папы и мамы,
Из тропок, ведущих в туманы.
Из майских парадов и снов,
Из юности
Сложной и праздной,
Из совести белой и красной,
Из верных Отчизне
Сынов.
Из страха,
Лакейства, из лести,
Из зависти черной,
Из мести,
Из муравьев, из блатарей,
Из массовых спецлагерей,
Из бега в военных ненастьях,
Из тюрем,
Расстрелянных насмех,
Из родины сильной
И пленной.
Из скорби
Веки нетленной.
Ни происков нет,
Ни коварства.
Из нас состоит
Государство.

***

Говорила мне обитель,
Подтверждал родной уют:
Зряче жизнь свою любите,
Слепо любят – предают.
Ни утехи, ни покоя
Не нашел. Прошли лета.
Кто ответит, что такое
Озаренье, слепота?
Лилипуты – великаны!
Боль – полночная сова.
Резче звякают стаканы.
Глуше падают слова
Веры прежним интересам.
От всего один балзам –
Скрытность хлещет по нетрезвым
И давно сухим глазам.
Над полями, над лесами
Тишь, да глушь, да воронье.
Сами, сами подписали
Мы своими голосами
Обречение свое.

***

Такой простор!
Куда от дум уйти?
Гляжу вокруг
С молитвой и обидой:
Россия – птица,
Над землей обильной
Ослепшая
От поиска
Пути.

